

Владимир Короленко

Черкес

Сибирские рассказы и очерки

Владимир Короленко

Черкес

«Public Domain»

1888

Короленко В. Г.

Черкес / В. Г. Короленко — «Public Domain»,
1888 — (Сибирские рассказы и очерки)

«Он быстро взял со стола бумагу. Я невольно залюбовался им: его лицо было теперь повелительно и строго, а движения напоминали красивые и грозные повадки тигра. Теперь все здесь уже понимали друг друга, за исключением, конечно, одного Пушных. Черкес был в комнате один, и в случае свалки против него были бы трое: грузный унтер-офицер, без сомнения, принял бы немедленно участие в битве. Успех легко мог склониться на сторону нападающих, но первый шаг был самый страшный...»

Содержание

I	5
II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

В. Г. Короленко

Черкес

I

– Иван Семеныч, а Иван Семеныч!..
– М-м-м... – послышалось в ответ из глубины повозки.
– Только и есть у них: мычат, как коровы. У-у, падаль, прости господи, а не унтер, чтоб вас язвило!..

Я не видал лица жандармского унтер-офицера Чепурникова, произносившего злобным голосом эти слова, но ясно представлял себе его сердитое выражение и даже сверкающий глазоком враждой взгляд, устремленный в том направлении, где предполагалось неподвижное, грузное тело унтер-офицера Пушных.

Ночь была темна, а в нашей повозке, конечно, еще темнее. Колеса стучали по крепко замерзшим колеям, над головой чуть маячит переплет обтянутого кожей верха: он казался темным полукругом, и трудно было даже разобрать, действительно ли это переплет над самой головой или темная туча, несущаяся за нами в вышине. Фартук был задернут, и в небольшое пространство, оставшееся открытым, то и дело залетали к нам из темноты острые снежинки, коловшие лицо, точно иглами.

Дело было в ноябре, в распутицу. Мы ехали к Якутску; путь предстоял длинный, и мы мечтали о санной дороге. На станциях обнадеживали, что от Качуга по Лене уже ездят на санях, но пока нас немилосердно трясло по замерзшим колеям.

Унтер-офицер Чепурников отдернул фартук. Резкая струя ветра ворвалась к нам, и Пушных зашевелился.

– Ямщик! Что, еще далече до станции?

Ямщик наш был одет в пеструю и мохнатую собачью доху, а так как темные пятна этой дохи сливались с темною же, как чернила, ночью, то на облучке нам виднелась лишь странная куча белых заплаток, что производило самое фантастическое впечатление.

– Верстов еще с десять, – послышалось оттуда.

– Хлопаешь зря: едем-едем – все десять верстов.

Чепурников нервничал и сердился.

Ямщик равнодушно пробурчал что-то, несколько придержал лошадей и набил трубку. Мгновенно вспыхнувший огонек осветил невероятной формы мохнатую шапку, обмерзшее лицо, отвернувшееся от ветра, и скрючившиеся от мороза руки.

– Ну, ты, поезжай, что ли! – сказал Чепурников с холодным отчаянием.

– Сейчас!

Огонек погас, и на облучке опять замелькало только созвездие из беловатых пятен.

Телега качнулась, мы задернули фартук и вновь понеслись вперед среди холода и темноты.

Чепурников нервно ворочался и вздыхал, Пушных сладко всхрапывал. Этот гарнизонный счастливек обладал завидною способностью засыпать мгновенно при всяких обстоятельствах, и это служило главной причиной глубокой ненависти, которую питал к нему, несмотря на недавнее знакомство, его дорожный товарищ. Последний пытался доказывать неоднократно, что Пушных не имеет никакого «полного права» своею грузною фигурой занимать большую половину места, назначенного для троих. Пушных при этом жмурился и стыдливо улыбался. Он позволял даже Чепурникову всячески тиранить себя каждый раз при усаживании в повозку. Желчный унтер-офицер порывисто запихивал куда-нибудь его ноги, подбирая и укладывал

руки, заталкивал в самый дальний угол его спину, гнул его и выворачивал, точно имел дело с тюфяком, а не с живым человеком.

– Вот... вот!.. так... этак!.. – приговаривал Чепурников, толкая и пихая какую-нибудь часть рыхлой фигуры товарища. – Р-раздуло вас, прости господи, горой!..

Пушных конфузливо и виновато улыбался.

– Чем же я, Василий Петрович, в эфтим случае... Мы все, то есть, родом экие!.. Ой, Василь Петрович, ты мало-мало полегче пихайся.

Чепурников окидывал взглядом свою упаковку и оставался недоволен.

– Бес-с-совестные! – ворчал он.

Надо заметить, что оба мои спутника принадлежали к разным родам оружия, и Чепурников, как жандарм, считал себя неизмеримо выше Пушных уже тем, что его служба вменяла в обязанность тактичное и вежливое обращение. Поэтому он обращался даже к Пушным не иначе, как во множественном числе, хотя при этом высказывался нередко довольно бесцеремонно: «Бессовестные вы этикие чурбаны!» – говорил он, например.

Но, в сущности, все мы понимали, что совесть тут ни при чем. Особенно же когда, проехав версты полторы. Пушных засыпал, как камень, – тут уж вступали в силу положительно одни физические законы: Пушных, как тело наиболее грузное, опускался на дно повозки, вытесняя нас вверх.

То же случилось и в эту холодную ночь. Чепурников жался к краю повозки, я кое-как сидел в середине, стараясь не задавить Пушных, который все совал под меня голову с беспечностью сонного человека. Я всматривался в темноту: какие-то фантастические чудовища неясно проползали в вышине, навевая невеселые думы.

– Ну и командировка выдалась!.. Не фартит мне, да и только! – сказал Чепурников с глубокою грустью и с очевидною жадной сочувствия.

Мне было не до сочувствия. Для меня эта «командировка» была еще менее удачной, и мне казалось, что это у меня на душе проплывают одни за другими бесформенные призраки, которые неслись там, в вышине.

– Эх, и что бы месяц раньше! Купил бы я в Качуге шитик, поставил бы парус – и катай себе вниз по Лене до самого Якутска. Ведь это, как вы думаете, экономия?

– Конечно, экономия.

– То-то вот, что экономия... А как по-вашему, сколько?..

– Не знаю...

– А вот погодите, рассчитаем. Три тысячи верст, по четыре с половиной копейки, это выходит по сту по тридцати пяти рублей с лошади. Ежели теперь на четверку да на обратный путь хоть, скажем, на две лошади... Поэтому экономия составляет сот восемь рублей на одних прогонах. Так или нет?

Чепурников рассчитывал с каким-то сладострастным наслаждением и потом сказал со злостью:

– А теперь вот и за одну лошадь, смотрите, останется ли? Вспомните мое слово: станут нам дальше и четвертую лошадь припрягать. Такой подлец народ стал, такой подлец – и сказать вам не могу. Это чтобы служащему человеку сколько-нибудь уважить – никогда!

Мне от этих расчетов было ни тепло, ни холодно. Пушных напоминал о себе сладким мычаньем сквозь сон.

– Да вот тут еще с этим делись, с чурбаном! – желчно закончил Чепурников. – А спрашивается теперь: за что?

Он смолк. Темная дорожная ночь тянулась без конца, а колокольчик, казалось, бился и стонал на одном месте. Туманы продолжали ползти в вышине какими-то смутными намеками на что-то необыкновенно печальное. Чепурников вздыхал и злился рядом со мной, продолжая

раздражать себя расчетами экономии, утерянной только потому, что меня бог не послал ему месяцем ранее.

Но вот повозка быстро забила на ухабах, колокольчик заболтал что-то несвязное, послышался хриплый лай ленских собак, более похожий на какой-то очень жалобный вой, и в промежутке между фартуком и верхом повозки проплыл яркий огонь фонаря, раскачиваемого ветром на верхушке полосатого столба.

Станция.

Я стал выбираться из повозки, разминая отекавшие члены. Чепурников захватил узелок с провизией и стал бесцеремонно тормозить Пушных. После нескольких пинков беспечный унтер-офицер промычал что-то, зевнул протяжно и сладко и стал вываливаться из телеги.

– Полоски (сабли) захватите, – крикнул ему Чепурников на ходу, – да револьверы!

Но Пушных в эту минуту, стоя уже на земле и заложив руки за голову, сладко тянулся, хрустя суставами, и зевал.

Когда он вошел через минуту в теплую станционную комнату, потирая по-детски кулаками заспанные глаза, в руках у него не было ни «полосок», ни револьверов, которые остались в повозке.

II

Я сел к столу и, облокотившись на него, смотрел перед собою, отдаваясь ощущению тепла и отдыха. Глаза мои были открыты, но все предметы принимали для меня какие-то фантастические формы. Стены комнаты раздвигались, и я опять видел себя далеко на дороге, в темной повозке. Только в углу повозки приютилось теперь какое-то странное животное на четырех изогнутых ножках; оно сердито шипело на меня, фыркало и лязгало зубами, сквозь которые пробивалось пламя, пыхая на меня жаром. От этого я начинал ужасно грустить, и тогда глаза мои инстинктивно искали на стене картину, изображавшую возвращение блудного сына. Блудный сын стоит на коленях, а старик отец протягивает над ним благословляющую руку. У старика было доброе лицо, и он так благосклонно глядел, а быть может, еще и до сих пор глядит на проезжающих со стен всех станций, на протяжении всей Лены. Почтенный старец! Он столько раз и так радушно встречал меня своим благословляющим жестом, что я положительно привязался к нему и, входя в любую станцию, утомленный угрюмыми приленскими видами, тотчас же разыскивал его глазами. И в эту минуту я стремился к нему под защиту. Тут ли он? Да, он тут, и, значит, я не на холоду, а в светлой комнате, и сердитое животное, пыхающее огнем, только железная печурка, жарко натопленная лиственничными дровами. Да, старик тут, и, значит, у меня есть добрый знакомый в этом далеком и неприветливом краю, в этом маленьком домике с полосатыми столбами, приютившемся у подножия угрюмых и мрачных хребтов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.